

Одновременно собирался и этнографический материал, в том числе данные по современному расселению и новому быту народов Амура и Сахалина. Более подробно были изучены ульчи; А. В. Стренина в течение 4 месяцев производила монографическое описание их материальной культуры. Ею же была совершена поездка к орочам. В качестве специальной темы было поставлено изучение изобразительного искусства народов Амура и Сахалина, которое проводилось И. П. Ларовым.

Экспедицией собрана значительная этнографическая коллекция, главным образом по старой религиозной деревянной скульптуре нивхов, ульчей и айнов. Коллекция по айнам, добытая на старых айнских медвежьих мольбищах Южного Сахалина, является уникальной. Доставлена также краниологическая коллекция по ульчам и негидальцам. Коллекции эти дополнили собрания Музея антропологии и этнографии АН СССР.

Эвенкийская экспедиция под руководством Г. М. Василевич была организована Институтом этнографии совместно с Научно-исследовательским институтом языка, литературы и истории Якутской АССР и имела целью этнографическое и лингвистическое изучение эвенков, расселенных по отрогам Джундыра к югу от р. Алдан. Работа на месте проводилась с апреля 1947 по январь 1948 г. и охватила в основном эвенков Тимптонского и частично Учурского районов Якутской АССР, а также некоторые пункты Желтулакского и Зейско-Учурского районов Читинской области. Основной маршрут проделан Г. М. Василевич на оленях (выюком и верхом около 1600 км и на нартах около 800 км). Собранные экспедицией материалы касаются различных сторон материальной и духовной культуры почти неизученных групп эвенков; лингвистические записи позволяют дать полную характеристику говоров этих групп. Подробно описаны колхозы посещенных районов и культурное строительство в этих трудно доступных уголках тайги. На очереди стоит продолжение работы в Чумиканском районе Нижне-Амурской области.

Таков перечень полевых исследований Института этнографии в 1947 г.; сюда не включены отдельные поездки сотрудников и аспирантов, связанные с текущей работой и темами диссертаций. В кратком обзоре невозможно осветить даже основные результаты столь разнообразных и обширных по охваченной ими территории экспедиционных работ. Итогом экспедиционных исследований была посвящена специальная сессия Института этнографии, которая проводилась в Москве и Ленинграде в феврале — марте 1948 г. К сессии была организована выставка полевых материалов и собранных коллекций, привлекавшая внимание научной общественности.

При обсуждении итогов экспедиций была особенно отмечена необходимость уделить внимание к изучению новых форм хозяйства и быта народов нашей страны. Этнографическое изучение только тогда станет подлинно историческим, если оно не будет ограничиваться фиксацией архаических форм, чем так часто грешили старые работы. Каждое явление должно изучаться во всем своем многообразии, отражающем отмирание старого и возникновение и развитие нового. Изучение новых форм хозяйства, быта, культуры не должно отрываться от изучения прошлого, ибо только таким образом можно вскрыть те сложные процессы, в которых развивается социалистическая по содержанию и национальная по форме культура. Только такой подход убережет этнографов от архаизации быта, с одной стороны, и от поверхностного описания, с другой. В программах работ экспедиций 1948 г. этим вопросам уделено особое внимание.

Полевые исследования составляют неотъемлемую часть этнографической работы, и дальнейшее развитие их как в центре, так и на местах составляет важнейшую задачу научных учреждений страны.

М. Левин

ДИСКУССИИ ПО ВОПРОСАМ ФОЛЬКЛОРИСТИКИ НА ЗАСЕДАНИЯХ СЕКТОРА ФОЛЬКЛОРА ИНСТИТУТА ЭТНОГРАФИИ

В течение февраля 1948 г. Сектор фольклора Института этнографии им. Н. И. Миклухо-Маклая провел несколько заседаний, посвященных обсуждению основных недостатков и задач современной фольклористики. На заседаниях были подвергнуты критическому рассмотрению работы проф. В. Я. Проппа, проф. П. Г. Богатырева и теоретические положения А. Н. Веселовского.

Заседание 9 февраля было посвящено обсуждению книги проф. В. Я. Проппа «Исторические корни волшебной сказки», изданной в 1947 г. Ленинградским государственным университетом. С критическим разбором этой книги выступил М. М. Кузнецов, который прочитал написанную им совместно с И. П. Дмитраковым рецензию «Традиции идеалистической фольклористики в работах проф. В. Я. Проппа»¹. Все выступавшие в прениях согласились с основным положением докладчика, утверждавшего, что проф. Пропп стоит на идеалистических позициях и что его методология не имеет ничего общего с методом марксизма-ленинизма. В процессе обсуждения были вскрыты существеннейшие недостатки, присущие как этой работе проф. Проппа, так и его прежним работам.

¹ См. «Советская этнография», 1948, № 2.

И. И. Потехин указал, что В. Я. Пропп ставит очень важный вопрос о происхождении волшебной сказки, но к решению его подходит неправильно, с идеалистических позиций. Для него нет ни эпохи, в которую сказка создалась, ни среды, ее породившей, ни идейного содержания сказки. Он берет сказки разных эпох и народов, механически раздробляет их на отдельные элементы и стремится насильственно свести все богатое и разнообразное содержание русской волшебной сказки к обряду инициации и представлениям о смерти. Русскую сказку, сложившуюся в период феодализма и капитализма, проф. Пропп стремится возвести к доклассовому обществу, которого он к тому же как следует не изучил. Национальную специфику сказки проф. Пропп полностью игнорирует. Многочисленные ссылки на иностранные работы и почти полное отсутствие указаний на работы русских ученых создают ложное впечатление, будто в области изучения сказки русские фольклористы ничего не сделали. Проф. Проппа влечет не к Добролюбову, Чернышевскому и Горькому, высказывания которых о фольклоре он и не упоминает, а к идеалистам-позитивистам: Фрезеру, Леви-Брюлю и др.; ссылки же на Маркса, Энгельса и Ленина являются лишь прикрытием идеалистических позиций автора.

В. И. Чичеров подчеркнул, что в новом труде проф. Проппа по существу стоит на формалистических позициях, теоретическим обоснованием которых является его статья «Специфика фольклора», напечатанная в юбилейном номере «Ученых записок» Ленинградского университета. В этой статье проф. Пропп дает неправильное определение фольклора, противоречащее тезису Горького о фольклоре как творчестве широких трудовых масс. Неправильно понимает он и этнографию как науку, которая занимается изучением только первобытного общества. Высказывания проф. Проппа о методологии очень расплывчаты и неясны; он говорит, что наша задача создать методологию, отвечающую мировоззрению нашей эпохи и страны, вместо того, чтобы прямо указать, что наш метод — метод диалектического материализма. Из народного творчества проф. Пропп выхолащивает идейное наполнение, отрицает его национальную сущность и создает схему сказки «вообще». Эту выдуманную схему он сопоставляет со схемой выдуманного же обряда, что и дает ему возможность увести сказку в доисторическое прошлое, после чего она как будто застывает и перестает развиваться.

Проф. С. А. Токарев отметил, что в работе проф. Проппа привлекает попытка поставить важные до сих пор неразрешенные вопросы о происхождении сказок и отдельных сказочных сюжетов и привлечь для их разрешения этнографические материалы. Но проф. Пропп исходит из ложных предпосылок, рассматривает лишь отдельные, произвольно взятые стороны действительности, и сводит все содержание сказки к обрядам инициации и похорон, результатом чего является схематизм и вопиющие натяжки. Этнографический материал проф. Проппа знает плохо, из вторых рук и рассматривает его сквозь призму вульгарно-социологических взглядов. Вслед за некоторыми буржуазными учеными проф. Пропп утверждает, что сказка в первобытном обществе отсутствует и появляется лишь как следствие разложения обряда, тогда как наблюдения этнографов показывают, что сказки есть и у первобытных народов, и они существуют одновременно с обрядом, удовлетворяя иным потребностям.

Проф. Е. В. Гиппиус указал, что основным пороком работы проф. Проппа — подмена живого содержания формальной схемой и оперирование поэтическими мотивами как некоей арифметической суммой — идет от финско-скандинавской школы, где все недостатки компаративизма выступают особенно обнаженно. Эту формалистическую концепцию проф. Пропп эклектически сочетает со взглядами Леви-Брюля, в результате чего и явилась весьма вредная в методологическом отношении книга. Е. В. Гиппиус считает, что докладчик и выступавшие в прениях, правильно указав основные недостатки обсуждаемой работы, не отметили, что проф. Пропп неверно ставит и решает вопрос о стадильности.

Л. Г. Бараг показал тесную связь последней книги проф. Проппа с работами буржуазных сказковедов — Сент-Ива, связывавшего некоторые сказочные сюжеты с инициацией, и Сюите, который пытался, как и проф. Пропп, свести все сказки к эпизодам загробной жизни. Основной порок всех этих исследований в том, что сказка и обряд схематизируются и берутся вне времени и пространства. Проф. Пропп отвлекается от живого процесса народного творчества, не изучает современной сказки и ее исторического развития, а без этого нельзя искать ее исторических корней. Стилистическая форма русской сказки сложилась в период феодализма, а не в доисторическую эпоху, как это хочет доказать проф. Пропп.

Проф. А. М. Смирнов-Кутачевский основным пороком книги проф. Проппа считает ее грубый эклектизм. Здесь и реставрация мифологической школы, и формальная методика финской школы, и взгляды Фрезера и др. Совершенно игнорирует проф. Пропп идейное содержание сказки и ее художественный язык, поэтому у него не звучат и национальные мотивы.

Проф. С. П. Толстов квалифицировал книгу проф. Проппа как антимарксистскую по концепции и методу исследования, ибо автор отрывает сказки от национальной почвы, от определенной социально-экономической действительности, игнорирует их содержание. Искусственно реконструируемую им схему сказки он сопоставляет с обрядом инициации, причем ему совершенно безразлично, где, у

какого народа и в какую эпоху сделаны те наблюдения, которыми он оперирует. Проф. Пропп даже и не пытается установить, существовали ли у русских (или восточных славян в целом) в период, когда создавалась сказка, те социальные институты и обряды, с которыми он ее сопоставляет. Историю как таковой, для него не существует, есть лишь некая неизменяемая схема первобытного общества и возникающая на ее основе общая для всех народов схема обряда инициации. Этот обряд, по мнению проф. Проппа, и дал содержание волшебной сказке, которая дальше без изменений доживает до нашего времени. Концепция проф. Проппа — последовательно идеалистическая; сказка, по его мнению, отражает не реальную действительность, а действительность, данную в обряде. Если определить идейные истоки его работы, то это, с одной стороны, концепция финской школы и А. Н. Веселовского, с другой — французский буржуазный социологизм и, наконец, псевдо-марксизм типа «школы» Покровского. Проф. Пропп отрицает первобытное искусство: фольклор в первобытном обществе, по его мнению, не существует, там есть только обряд, культ. А между тем сказки у первобытных народов есть и они резко отличаются от ритуальных текстов. Основная их роль — воспитательно-этическая, красной нитью проходит в них мотив героизма, преодоления всевозможных трудностей. Как и эпос, с которым они тесно связаны, сказки отражают все многообразие жизни первобытного общества, а не только обряд инициации. Да и сам обряд инициации менее всего связан с религиозными представлениями, его задача — обучение юшей самым разнообразным навыкам, и этой своей воспитательной стороной обряд соприкасается с волшебной героической сказкой, что и делает возможным их взаимное проникновение. Но сказка — произведение искусства, и отдельные элементы обряда в ее сложную, вечно развивающуюся ткань могли войти лишь как строительный материал. Если ставить вопрос об исторических корнях русской волшебной сказки, то нужно говорить об ее идейном содержании на разных этапах исторического развития и о той национальной форме, в которой она бытует. Если же говорить о генезисе сказки в мировом масштабе, то необходимо изучать древнейшие сказки и тогда выводы будут противоположны выводам проф. Проппа. В заключение проф. Толстов подчеркнул, что книга проф. Проппа является тревожным сигналом не только для фольклористов, но и для этнографов, так как все те теории, которым проф. Пропп следует, имеют место и в этнографии, особенно в исследованиях в области изучения религии и общественных явлений.

16 февраля состоялось обсуждение «функционально-структурального метода», пропагандируемого проф. П. Г. Богатыревым в его работах: *Actes magiques, rites et croyances en Russie Subcarpatique*, Paris, 1929; *Funkzie kroja na Moravskom Slovensku*, 1937, *Lidové divadlo, češke a Slovenské*, Praha, 1940; и др. Проф. П. Г. Богатырев во вступительном докладе рассказал о методе, которым он пользовался в своих работах по этнографии и фольклору, и о возможностях его применения при изучении фольклорных произведений. По утверждению докладчика, изучение функций и их структуры следует рассматривать как методику, отнюдь не противоречащую методу диалектического материализма, но помогающую вскрыть те стороны явления, которые непонятны при работе другими методами. Большинство же выступавших в прениях совершенно правильно указали, что рассматривать «функционально-структуральный метод» только как частную методику нельзя, — функциональная школа, широко распространенная в современной буржуазной этнографии, по самой своей сущности противостоит методу марксизма-ленинизма.

М. Г. Левин начал свое выступление с указания, что предложенный проф. П. Г. Богатыревым метод нельзя рассматривать только как вспомогательный методический прием (как это хотели представить некоторые). Это вполне определенная концепция, антиисторическая по своему существу, и изучение «функций» этнографических явлений и фольклорных произведений в отрыве от исторического процесса, дробление «функций» здесь вовсе не случайно. Каждая функция, каждая сторона предмета, отдельные составные части одного и того же явления выступают здесь как живущие вне общества, вне истории и развивающиеся независимо друг от друга. Ничего общего с марксизмом такая концепция не имеет. Такой метод принципиально антиисторичен и не случайно он не оставляет места пережиткам, так как пережитки нас могут интересовать лишь тогда, когда мы рассматриваем явление в историческом развитии, в борьбе старого с новым.

Отдельными товарищами делаются попытки, — сказал т. Левин, — истолковать «функциональный метод» как требование изучения произведений фольклора в их бытовании и восприятии. Необходимость такого изучения не отрицает никто, но эти товарищи забывают, что речь идет об определенной методологии, которая нам не может быть принята. За этим увлечением «функциями» имеется большая опасность сойти с исторических позиций и впасть во враждебную нам антимарксистскую методологию.

В. Ю. Крупянская отметила, что в работе о чешском и словацком народном театре проф. П. Г. Богатырев дал ряд интересных наблюдений, но его метод страдает антиисторизмом. Иногда вместо анализа фактов дается лишь их простая констатация. В самом определении функции нет четкости, рядом с пониманием функции как определенной направленности произведения вводятся совершенно иные определения.

В. К. Соколова отметила, что произведение фольклора, как и всякое другое явление, в разных условиях может выполнять различные функции, но сейчас речь идет об определенном методе. В самом понимании функций нет единства, под словом функция понимаются различные вещи. В книге проф. Богатырева «Чешский и словацкий народный театр» целая глава посвящена «внестетическим функциям народного театра». Но ведь уже само такое механическое разделение функций художественного произведения на эстетические и внестетические недопустимо, в качестве же «внестетических функций», которые может иметь народный театр, указываются следующие: магическая, религиозная обрядовая, сатирическая, иногда (но не всегда!) сочетающаяся с социальной, и, наконец, экономическая (под которой понимается зависимость репертуара от кассы, выручки). Здесь смешаны самые различные вещи, причем оказывается, что художественное произведение может нести социальную функцию, а может и не нести, что религиозная и национальная функции — не социальные, и т. п. Такое раздробление целостного художественного произведения на ряд самостоятельных функций нисколько не помогает нам уяснить его специфику, явление исчезает, остаются только функции. Очень важно, конечно, знать, как и в какой обстановке рассказывается сказка и как она воспринимается, но ведь об этом уже давно просто и ясно было сказано Добролюбовым и никакой сложной структуры функций для этого не требуется. Функционально-структуральный метод снимает проблему изучения исторического развития явления.

И. И. Потехин указал, что, хотя сам проф. Богатырев отмежевался от функциональной школы Малиновского, его доклад напоминает работы сторонников этого метода. Здесь то же представление о явлении как комплексе функций, находящихся в равновесии, — ослабевает одна функция, за ее счет растет другая, структура функций ведет самостоятельную жизнь, не зависящую от окружающей действительности, — функции изменяются под влиянием функций же. Этот метод не только не имеет ничего общего с методом диалектического материализма, но прямо враждебен ему. Здесь разрывается форма и содержание, явление берется изолированно от той конкретной исторической обстановки и социальной среды, которая его породила. Метод этот антиисторичен, тогда как диалектический материализм требует исторического подхода к рассматриваемым явлениям. От «функционально-структурального метода» нужно категорически отказаться. Если же понимать функцию как социальную направленность произведения, то здесь нет нужды употреблять термин «функция», который вносит лишь путаницу и отвлекает от изучения идейного содержания фольклора.

Н. И. Рождественская отметила, что понять то или иное явление можно только изучив историческую обстановку, в которой оно возникло. Отрыв же рассматриваемого явления от истории (как это делают сторонники функционализма) не дает возможности правильно и всесторонне понять его.

Проф. С. А. Токарев согласился с мнением ряда выступивших до него товарищей, что функционально-структуральный метод антиисторичен по своей сущности. В работах самого проф. П. Г. Богатырева историческое изучение явлений низводится на второстепенное место. Так в работе «Actes magiques» решающее значение придается осмыслению обрядов самим населением и на основании этого строятся и классификация обрядов: 1) обряды мотивированные, 2) обряды немотивированные, 3) обряды, лишившиеся своего смысла и превратившиеся в игру, т. е. тоже немотивированные. Из этого факта, что один и тот же обряд может разными людьми мотивироваться по-разному, проф. П. Г. Богатырев делает вывод о невозможности сравнительно-исторического изучения обрядов. Таким образом, проблема генезиса и исторического изучения обряда снимается, так как нельзя понять генезис, историческое развитие и социальный смысл того или иного обряда, основываясь лишь на противоречивых объяснениях населения; нельзя на основе их строить и классификацию обрядов. Другой порок этого метода заключается в том, что функция начинает рассматриваться как некая самостоятельная сущность. Внимание исследователя направляется на субъективное осмысление явления, и здесь мы имеем полное совпадение с современной буржуазной школой функционализма.

В. И. Чичеров начал свое выступление с указания на неправомочность наличествующего у отдельных товарищей стремления рассматривать предложенный проф. П. Г. Богатыревым метод только как частную методику. Методика работы определяется основополагающим методом и не может быть оторвана от него. Только исходя из общих теоретических положений, можно решить вопрос о правильности и возможности применения той или иной методики. Нельзя изучать какое-либо явление в отрыве от окружающей действительности, необходимо его брать в развитии и определить, что в нем отмирает и какие элементы содержат в себе залог дальнейшего развития с тем, чтобы помочь живому, прогрессивному победить старое, отживающее. Метод, предложенный проф. П. Г. Богатыревым, исключает возможность такого активного, действительного отношения к изучаемым явлениям, он лишь бесстрастно констатирует факты, не давая никакой оценки. При применении метода П. Г. Богатырева невозможно изучение идейного содержания произведения; оно дробится на абстрактные функции. Итти нужно от реальной действительности, порождающей данное явление, а не тем путем, который предлагает проф. Богатырев. Что же касается самого термина «функция», то он неправомочен уже потому, что

точного определения его не дается. Он только залуптывает дело и, выхолащивая идейное содержание произведения, открывает дорогу формализму.

Однако не все выступавшие в прениях достаточно принципиально и критически подошли к оценке метода проф. П. Г. Богатырева. Делались попытки рассматривать его как частную методикку, вне связи с общей методологической концепцией. Так, Л. Г. Бараг считает, что недостатки работ проф. П. Г. Богатырева — отсутствие исторического подхода к рассматриваемым явлениям, изучение функций в отрыве от окружающей обстановки, механическое разделение их на эстетические и внеэстетические и др. — не вытекают из самой сущности метода, который будто бы не исключает исторического подхода и является весьма плодотворным. Не было достаточной чёткости в отношении функционально-структурального метода и в выступлении проф. А. М. Смирнова-Кутачевского. Совершенно правильно акцентировав внимание на необходимости изучения идейного содержания и социальной природы художественного произведения и напомнив те требования, которые предъявлял к исследователям фольклора ещё Добролюбов, он в то же время не отрицал и возможность «функционально-структурального» изучения, причем дал свое определение «структуры» и «функции» (структура — родовое единство, например, отдельный сюжет, функция — родовая разность, своеобразное оформление данного сюжета в каждом отдельном случае). Совершенно некритическим было выступление Э. В. Гофман-Померанцевой, пытавшейся найти исторический подход к фольклору в работах П. Г. Богатырева.

Итоги обсуждения были подведены в выступлении проф. С. П. Толстова. Он указал, что метод, предложенный проф. П. Г. Богатыревым, является разнообразно весьма распространённым сейчас на западе школы функционализма. Одно из основных положений этой школы — положение о непознаваемости исторического прошлого и неправомерности использования этнографических и фольклорных материалов в качестве исторических источников, вместо чего выдвигается необходимость синхронического изучения и взгляд на явление как на своеобразное равновесие «функции». Все это есть и в работах проф. Богатырева. Его метод роднит с методом функционализма даже такая деталь, как отсутствие точного определения «функции» и «структуры». И это не случайность; внесение ясности не в интересах буржуазных авторов, которые стремятся скрыть истинный смысл явлений. Перед нами буржуазная концепция, возникшая в условиях кризиса капитализма, которая никакими приемами не может быть объединена с марксизмом, ибо она принципиально враждебна ему. Правильно было отмечено поразительно хладнокровное отношение сторонников функционализма ко всем описываемым фактам. Нет развития, борьбы противоположностей, движения вперед, есть лишь сумма «функций», в которой одна «функция» может усиливаться за счет ослабления другой, но сама сумма остается неизменной. В само понятие «функции» насильственно включается все, что угодно, причем каждый понимает «функцию» по-своему. Все это приводит к тому, что рассматривается не живая жизнь во всем ее многообразии, а мертвая схема. Богатейший фольклорный материал, отображающий различные стороны общественной жизни и общественных отношений превращается в рассыпанные кучки абстрактных «функций», изолированных друг от друга. Метод — явно бесплодный, и от него нужно, как можно скорее, отказаться. Нельзя перевести его на язык марксизма, хотя некоторые из выступавших и пытались это сделать. Нельзя рассматривать его как частную методикку и сводить все к собирательской работе. От термина «функция», поскольку не дается его четкого определения, нужно отказаться, так как вся эта бесплодная игра в термины лишь отвлекает фольклористов от изучения идейного содержания и исторического развития фольклора. В заключение С. П. Толстов призвал проф. Богатырева сугубо критически отнестись к своим прежним работам и отказаться от порочного метода, который только мешает его творческому развитию.

Проф. П. Г. Богатырев в заключительном слове признал справедливыми отдельные сделанные ему замечания и заверил, что все сказанное будет им продумано и учтено в дальнейшей работе.

На заседании сектора 28 февраля были подвергнуты критическому обсуждению теоретические положения А. Н. Веселовского по вопросам этнографии и фольклористики.

В своем вступительном слове В. И. Чичеров указал на огромное принципиальное значение оценки концепции А. Н. Веселовского. Работы Веселовского нельзя рассматривать исключительно как достояние прошлого; его ошибочные теоретические положения до сих пор некритически повторяются в работах его учеников и тормозят развитие нашей науки. В процессе обсуждения не только выясняется облик ученого и его теоретические позиции, но и определяется его место в истории русской науки. Критический анализ позволяет подойти к объективной оценке наследства ученого. Образцом такой критической оценки должны служить замечательные статьи В. И. Ленина о Л. Н. Толстом. При оценке деятельности ученого обязательно нужно учитывать и то влияние, какое имела она на современников и последующие поколения. Говоря о Веселовском, нужно прежде всего выяснить, в каком отношении он стоял к передовым течениям русской общественной мысли своего времени, был ли он действительно предшественником революционного марксизма, как это хотели представить акад. Шишмарев, чл.-корр. В. М. Жирмунский, проф. М. К. Азадовский

и некоторые другие ученые. На этот вопрос нужно со всей решительностью ответить отрицательно. Веселовский, как это уже убедительно доказано в ряде последних выступлений (в Академии общественных наук и других учреждениях), был всегда далек от революционных демократов. Однако и сейчас еще раздаются голоса, что ученого-академика нельзя сопоставлять с критиками-публицистами Чернышевским, Добролюбовым и их сторонниками. Академики-де занимаются наукой, критики — политикой. Этому стремлению утвердить «беспартийность» и «объективизм» науки, оторвать ее от политики и принизить научное значение деятельности революционеро-демократов должен быть дан решительный отпор. Значение работ революционных демократов, как научных исследований, громадно. Веселовский не был представителем революционно-демократического направления русской науки. Это положение бесспорно и не опровергается наличием в работах Веселовского отдельных высказываний об искусстве, внешне совпадающих с тем, что говорил Чернышевский. При сравнительном анализе работ любых двух или нескольких ученых надо исходить из рассмотрения их концепций в целом, а не из их отдельных высказываний. Система взглядов Чернышевского и Веселовского была различна. А. Н. Веселовский остался в стороне от революционной демократии. Сущность социалистических идей ему осталась чужда. Не поднявшись до революционно-демократических идей, Веселовский остался чужд и самому кругу вопросов, становившихся актуальнейшими вопросами современности. Вполне естественно, он остался в стороне и от марксизма, проникавшего в Россию последней четверти XIX в. Исследования А. Н. Веселовского, использующие колоссальное количество трудов самого различного характера, не имеют ни одного прямого или косвенного свидетельства о воздействии работ Маркса и Энгельса. В конспектах Веселовского имеется только единственное упоминание о работе основоположников марксизма — подготовительные материалы ко 2-й части «Исторической поэтики» содержат упоминание о «Происхождении семьи, частной собственности и государства» Ф. Энгельса — книге, в которой трактуются вопросы чрезвычайно важные и несомненно волновавшие Веселовского. Но есть все основания считать, что это упоминание сделано не по исследованию Энгельса, а по поверхностной рецензии Н. Н. Харузина, напечатанной в «Этнографическом Обзрении». Так или иначе, но Веселовский полностью присоединяется к положениям, высказанным в рецензии, и утверждает, что эта основополагающая книга является не более как популяризацией Моргана. Веселовский не понял значения, смелости и повизны выдвинутых Энгельсом положений. Идеи марксизма и его метод исследования, политическая значительность и актуальность проблематики были чужды, более того — враждебны Веселовскому. Только этим (но не незнанием имен Маркса и Энгельса) можно объяснить игнорирование Веселовским капитальных марксистских исследований, привлекавших в его время к себе пристальное внимание и на Западе, и в России. Веселовский был очень далек от марксизма; он не был той силой, от которой можно было ждать, что она станет ведущей. Мы прямо должны сказать, что он, утверждая позитивистские методы науки, шел не вперед, а назад. До конца своей жизни Веселовский стоял на позиции буржуазной позитивистской науки, на позициях буржуазного объективизма. Конкретность исторической действительности каждого существующего народа в его работах подменялась абстрактным представлением о той или другой стадии развития человечества. Это дало ему возможность сопоставить принципиально различные по существу (но сходные по форме) явления и уподобить их друг другу. Поэтому и выводы, какие делаются на основе допускаемых им сопоставлений, бывают ошибочны. В силу позитивистского, а, следовательно, идеалистического метода исследования, «Историческая поэтика» оказалась лишенной подлинного понимания исторических процессов и исторической действительности. Отсюда и встречаемое у Веселовского ошибочное восприятие простого как первоначального (например, при анализе параллелизма). Непонимание сущности факта вело к преувеличению значения формы. Форма в конце-концов делается предметом главного изучения Веселовским. Но анализ формы проводится в замкнутом круге литературных явлений и только внешне сопоставляется с предполагаемой исторической действительностью. Позитивизм неизбежно приводит Веселовского к формализму, наиболее проявившемуся во 2-й части «Исторической поэтики».

Проф. М. О. Косвен остановился в своем выступлении на этнографической стороне исследований А. Н. Веселовского. Веселовский часто использует этнографический материал, но в его «Исторической поэтике» и других работах нет никаких следов подлинного глубокого знакомства с трудами Моргана, Бахофена и др. Многие работы он знает поверхностно, об отдельных работах судит по отзывам. В статье «Гетеризм, побратимство и кумовство в купальских обрядах» Веселовский очень неудачно употребляет термин гетеризм, под названием же кумовства он смешивает разные явления. Эта его статья крайне путанная и ни в какой мере не помогает разобраться в вопросе. Примитивна с этнографической точки зрения и трактовка Веселовским сюжета «бой отца с сыном».

И. П. Дмитраков в своем выступлении указал, что А. Н. Веселовский никогда не был революционеро-демократом. В своих взглядах он претерпевал эволюцию, но никогда не шел дальше либерального литературоведения и в конечном итоге всегда оставался позитивистом, т. е. идеалистом. По сравнению с великими революционеро-демократами — Добролюбовым и Чернышевским — Веселовский сде-

дал шаг назад, его подчеркнутый объективизм и аполитичность стали знаменем буржуазной науки. Буржуазный космополитизм уводил Веселовского от изучения национальной специфики литературы и фольклора к изучению международных связей и заимствований. От Веселовского идет русский формализм, и не случайно проф. В. Я. Пропп старается подтвердить свои положения ссылками на Веселовского. Нельзя забывать и того, что современные западноевропейские и американские литературоведы (напр. Герни, Ларвин), отрицающие самобытность русской литературы и замалчивающие творчество русских революционно-демократических и советских писателей, ссылаются на русских компаративистов.

А. В. Позднеев в заявил, что он согласен со многим из сказанного предыдущими товарищами. Но в его дальнейшем выступлении критическое отношение к работам Веселовского отсутствовало. Прозвучавшее в выступлении А. В. Позднеева некритическое отношение к наследству Веселовского и стремление снизить принципиальное значение анализа его ошибок вызвало справедливое возражения выступивших после него проф. Е. В. Гиппиуса и М. М. Кузнецова.

Проф. Е. В. Гиппиус заметил, что стремление скрыть теоретические недостатки Веселовского, некритическое восприятие его теоретических положений принесло огромный вред нашей науке. Корнем всех этих недостатков является формалистический подход Веселовского к произведениям искусства. Веселовский всегда идет от формы к содержанию. Особенный ущерб принесло некритическое восприятие его формалистической концепции родов поэзии и теории первобытного синкретизма. В исторической поэтике Веселовский выдвигает прямое требование найти такое решение проблемы родов поэзии, которое позволит определить их как категории формы, становясь на тот путь, который впоследствии получает развитие в работах представителем крайней формалистической эстетики (Эрнст, Хирт). Критикуя гегелевскую схему развития лирики и эпоса за абстрактность, Веселовский сам строит абстрактную схему и выдвигает некий лиро-эпический род, который и объявляет исходным пунктом дальнейшей эволюции. Таким образом, Веселовский лишь переворачивает гегелевскую триаду, не давая ее критики по существу. В основу определения лирики и эпоса,— говорит проф. Гиппиус,— должны быть положены не формальные определения, а горьковские указания о значении разум и интуицию, разума и чувства в развитии искусства. Лирика и эпос — два различные отношения к действительности, их принципиальная противоположность обуславливает два рода диалектических единств: 1) род соподчиненности чувства мысли (эпос), 2) род соподчиненности мысли чувству (лирика). Отличие эпоса от лирики в обостренно времени восприятия и воспроизведения действительности в художественном творчестве. Отличие лирики от эпоса в том, что в ней одно эмоциональное состояние обобщает последовательность действий, притупляя восприятие этой последовательности во времени. Лирика может быть и повествовательной, однако повествовательность в лирике имеет иное качество, чем в эпосе. Особое качество повествовательности в лирике обуславливается тем, что развитие действия сводится в один фокус — ведущего лирического образа, раскрывающего одно эмоциональное состояние. При такой постановке вопроса проблема особого лирического жанра снимается сама собой.

Теория первобытного синкретизма у Веселовского построена также на абстрактной эволюционной схеме, принимающей одно явление, якобы самое простое, за первичное. Все противоречия здесь снимаются. Между тем в истории развития поэтического и музыкального искусства отчетливо выступают противоречивые начала, находящиеся в постоянной борьбе, образуя различные формы исторических синтезов. Эта борьба ясно видна еще на ранних стадиях общественного развития, и нет никакого основания предполагать существование некоего исходного момента, когда эти противоречия отсутствовали.

Материалы по поэзии и музыке первобытных народов опровергают все гипотезы об изначальности одной формы связи искусства и трудовой деятельности человека. Начиная с ранних стадий общественного развития существовало по крайней мере две формы связи искусства и трудовой деятельности: связь непосредственная и связь отраженная (опосредствованная). В первом случае песня или инструментальная музыка входила в трудовой процесс либо как его составная часть, либо как его точное изображение в производственно-магических целях (при этой форме связи — чувство соподчиненно мысли). Во втором случае песня не входила в трудовой процесс как его составная часть, а была отделена от него и представляла опосредствованное отражение действительности (при котором мысль подчинена чувству). Теория первобытного синкретизма снимает противоречия между ритмикой моторной и ритмикой речевой, между интонациями естественного звука человеческого голоса и интонациями, противопоставляемыми звуку человеческого голоса (в различных противоречивых проявлениях в вокальной и инструментальной музыке). Вместе с тем эта теория создает почву для преувеличения роли обрядового и религиозного искусства на ранних стадиях общественного развития. Исторически неверно и утверждение Веселовского об исторической первичности психологического параллелизма. Психологический параллелизм — сравнительно позднее явление.

Против ряда положений, высказанных А. В. Позднеевым, выступил М. М. Кузнецов. Острота обсуждения теории Веселовского, сказал он, вызвана тем, что до

сих пор многие советские литературоведы некритически воспринимают теоретические положения Веселовского, стараются представить его как ученого, очень близкого к марксизму, и тем самым тормозят развитие советского литературоведения и фольклористики. Веселовский действительно поставил вопросы международных связей, но он совершенно игнорирует национальный момент. Буржуазный космополитизм присущ всем работам Веселовского. Апологеты Веселовского любят ссылаться на работу о Соломоне и Китоврасе, но эта работа типично компаративистская; ничего другого, кроме того, что славянские сказания заимствованы, в этой работе не вычитаешь. Веселовский ищет связующее звено между литературой Востока и Запада и находит его в лице Византии и славянского мира. Даже богумильство Веселовский рассматривает как принесенное в Болгарию какими-то мифическими восточными проповедниками. Своеобразие славянских литератур, их идейное содержание и история Веселовского не интересовали. Нельзя проходить мимо того факта, что Веселовский работал в то время, когда марксизм стал уже русским явлением, и что он сознательно противостоял марксизму. Одновременно с Веселовским над вопросами происхождения искусства работал Плеханов, который выводит искусство (правда, непоследовательно) из трудовых процессов. Веселовский же все время стоял на идеалистических позициях, литература у него определяется литературой же и все ее развитие сводится к комбинированию старых мотивов и сюжетов. Русские былины он рассматривает как сниженный отголосок византийской культуры, и может быть здесь надо искать источники теории Келтуялы. Снимая национальную специфику искусства, Веселовский тем самым толкал других более мелких ученых к признанию несамостоятельности русской культуры. Совершенно не ставился Веселовским вопрос об обратном воздействии литературы и фольклора на жизнь. Неверно утверждение, будто центром внимания Веселовского был народ. Как фольклорист он не мог не говорить о народе, но дальше буржуазного либерализма никогда не шел. Чернышевским и Добролюбовым вопрос о народе был поставлен в это время гораздо более четко и принципиально.

Подведение итогов обсуждения было перенесено на заседания Ученого Совета Института этнографии, посвященные вопросам фольклористики. (см. ниже обзор В. И. Чичерова).

В. К. Соколова

ОБСУЖДЕНИЕ НА ЗАСЕДАНИЯХ УЧЕНОГО СОВЕТА ИНСТИТУТА ЭТНОГРАФИИ ОСНОВНЫХ НЕДОСТАТКОВ И ЗАДАЧ РАБОТЫ СОВЕТСКИХ ФОЛЬКЛОРИСТОВ

Дискуссия по вопросу о недостатках и задачах советской фольклористики на открытых заседаниях Ученого совета Института этнографии привлекла большинство ведущих фольклористов и этнографов г. Москвы.

Заседание открыл директор Института проф. С. П. Толстов, во вступительном слове указавший на большие достижения, которыми вправе гордиться советская фольклористика. За тридцать лет советской власти развернулась грандиозная собирательная работа по всему Советскому Союзу, во всех советских республиках. Опубликованы сотни книг. Открыты для науки обширные, ранее совершенно неизвестные или в лучшем случае известные узкому кругу специалистов сокровища фольклора народов СССР. Собран гигантский материал. Собирательская работа зафиксировала расцвет устного народного творчества народов Советского Союза. Общеизвестно, каким вниманием партии и правительства, какой заботой советского государства были окружены мастера советского фольклора — наши выдающиеся сказители, народные поэты и исполнители. Ими созданы бесчисленные новые произведения советского фольклора, отражающие нашу социалистическую действительность, героическую борьбу и победы советского народа в дни гражданской войны, в дни мирного социалистического строительства сталинских пятилеток, в грозные героические дни Великой отечественной войны. В центре народного творчества народов СССР встали образы великих вождей партии, советского народа — Ленина и Сталина. Развитие фольклора в Советской стране разведало созданную буржуазными учеными легенду об угасании фольклора, об исчерпании источников народного творчества.

Советская фольклористика не могла оставаться в стороне от этого грандиозного процесса возрождения народного творчества. В области советского фольклора сделано немало. Советские фольклористы не только собирали фольклор так, как никогда не собирали его фольклористы предшествующих поколений, не только открыли неизвестные области фольклора в Советской стране и фиксировали то новое, что появилось в нашем фольклоре в связи с эпохой возрождения народного творчества;